

ЕВГЕНИЯ ТУР

Старушка

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т86

Тур Е.

Т86 Старушка / Е. Тур. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 174 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77641-2

«Старушка» — повесть Евгении Тур о непростой женской судьбе. Главной героине повести довелось пережить несчастливый брак, потерю любимого человека, светские интриги и сплетни, смерть мужа и сына, но это не ожесточило ее сердце. Наоборот, Томская приобрела житейскую хитрость и тонкость, оставаясь при этом великим дипломатом, искренней и доброй. Все события своей молодости женщина изложила в дневнике, с которым и познакомится читатель.

BIC FC
BISAC FIC000000

Ж

Я служил в Петербурге и по делам службы был послан в Москву. Старая тетка моя, постоянно жившая в Москве, ввела меня в общество. Скоро я стал своим человеком в доме Степаниды Семеновны Томской; это была чрезвычайно богатая, всеми уважаемая старуха, за которой особенно ухаживали матери взрослых сыновей. Постоянная угодливость этих матерей объяснялась тотчас при взгляде на Веру, внучку и единственную наследницу огромного состояния Степаниды Семеновны. Вера была чрезвычайно красива собою, умна, образована, очень любима бабушкой и потому крайне избалована, что придавало ей новую прелесть, по крайней мере в глазах моих. Ее грациозная капризность, умеренная мягкостью характера, изменчивая причудливость желаний и какая-то ветреность, всегда однако сдержанная в границах приличий, разнообразили ее отношение ко всем нам, ее окружавшим, и придавали им особенную привлекательность. И я как другие, как многие молодые люди, принятые в доме Томской, поддался чарующему влиянию ее внучки; я влюбился в нее по уши. Сначала, правда, меня неприятно удивила безыскусственная короткость, допускаемая Степанидой Семеновной между внучкой ее и окружающими ее молодыми людьми. Могло ли быть иначе? Я привык к чопорности, церемонности петербургских гостиных, привык к безгласности девиц, появлявшихся для того только, чтобы протанцевать несколько ка-

дрилей; некоторая свобода в обращении, любезная болтливость Веры, ее обращение со всеми нами, ее обожателями, не лишенное кокетства, должны были удивить меня. Скоро однако за всем этим я открыл столько чистосердечности, столько доброты, что не только помирился с ней, но еще и привязался к ней мало по малу, сам того не замечая. Сама Вера, так казалось мне, по крайней мере, не была совсем равнодушна ко мне и оказывала мне некоторое предпочтение. Я не смел еще надеяться вполне, хотя старушка была тоже очень благосклонна ко мне, и решился ждать всего от времени. Дела мои кончились, но я просил отпуска и остался в Москве. Степанида Семеновна была странная женщина; казалось, она не замечала, что внучка ее ведет себя несколько иначе, чем это вообще принято в свете, что она завладела большею свободой, чем того требовали узкие светские уставы. Часто, выходя поздно вечером из дома Томской, я задавал себе вопрос: видит или не видит ослепленная любовью старуха бабушка капризную независимость, которую внучка присвоила себе как право. Трудно было предположить, чтобы старуха не замечала этого; она была очень умна, тонка, и играя в преферанс, в углу той самой гостиной, где Вера подавала чай и болтала с нами, не раз, казалось мне, прислушивалась к живому разговору и улыбалась шутке или насмешливым остротам, на которые так щедро была Вера. Окончив преферанс, старушка подвигала кресло к камину; если был приятный собеседник, она охотно разговаривала, если же такого не было, она принималась за чтение газеты или книги и порой из-под больших очков своих устремляла на нас долгий пытливый взгляд, который не раз смущал меня. Не слыша, не видя, не заботясь по-видимому о всех нас, она все видела, слышала, и как позднее оказалось, с прозорливостью матери и опытностью бабки заботилась о своей ненаглядной внучке. Никогда не слышал я, чтобы она в чем-нибудь отказала ей, даже и в таких ее требованиях, которые в Петербурге сочтены были бы верхом безумия, да и мне казались не совсем благоразумными.

— Grand maman, говорила Вера, я хочу ехать к Картомышевым; у них нынче вечеринка.

— Поезжай, мой друг.

И Вера приказывала закладывать карету и отправлялась на вечер с своей компаньонкой, англичанкой лет двадцати двух (а Вере не было и двадцати). На большие балы Вера ездила всегда со старою теткой своей, женщиной доброй, но недалней, не способной ни видеть, ни понять, что делается подле нее.

— Grand maman, я хочу ехать в маскарад, говорила Вера.

Бабушка молчала, внучка настаивала:

— Что же вы молчите? Я хочу ехать в маскарад.

— Я не знаю, Вера, как устроить это.

— Э! полноте, grand maman; я поеду с miss Ellis.

— Этого нельзя сделать, Вера.

— Ну, так прикажите Ивану Ивановичу ехать с нами.

Иван Иванович был старик лет пятидесяти, друг дома, муж приятельницы Степаниды Семеновны и постоянный ее собеседник.

— Уж право, Вера, я не знаю; сказать по правде, маскарады совсем не для девиц, да и место их....

— Ну, полноте, полноте! Когда мне хочется! Что в этом дурного: поболтаю немного, да и приеду назад. Что может случиться? Можно? Да, можно! Я пошлю сей час за маской, домино у меня есть!

Бабушка молчала, а внучка вылетала из комнаты и посылала за маской.

— Как вы ее балуете, говорил кто-нибудь из стариков.

— Что делать, — молодость! Пусть живет, пока жить хочется, пусть веселится, пока веселье не прискусило. Она ничего дурного не сделает и не скажет, я знаю ее и не люблю стеснять ее.

Однажды я присутствовал, однако, при маленькой домашней сцене; это было именно после маскарада. Вера была не в духе и сидела надув губки. Что с тобой? спросила ее бабуш-

ка. Или тебе не было весело вчера? Или остроты твои пришлись кому-нибудь не по сердцу, и тебе за них досталось?

— Нет, бабушка, вам пора знать, что тот еще не родился, кто сговорить со мною, — сказала Вера рассмеявшись.

— Так что ж с тобой?

— А вот что: не хочу ездить в маскарады!

— Прекрасно сделаешь!

— Постойте, я не договорила. Не хочу ездить в маскарады с Иваном Ивановичем. Вы смеетесь, бабушка? смеяться не чему! Он следит за мной, как ревнивый турок, он моя вывеска. Где я, там и он! Меня все узнают по его милости.

— Что ж мне делать? В этом я не виновата.

— Нет, виноваты! Зачем вы не отпустили меня с miss Ellis?

— Ну скажи, есть ли в тебе на волос здравого смысла? ехать в маскарад с такою же девочкой, как ты сама!

И старушка покачала головой.

— Ну, правда, правда; так зачем не отпустили с Дашенькой З**, или с Лизой М**? Они замужние женщины.

— Да, вчера замуж вышли кажется.

— Ну, а с Иваном Ивановичем ездить смешно. Маски смеялись над ним, когда я шла с ним под руку. Какими судьбами попали в маскарад? спрашивали они, и град насмешек сыпался на него. Я стала его отстаивать — меня узнали, и потом все смеялись над моим ментором. Я не поеду с ним.

— Пожалуй не езди, — отвечала, смеясь, бабушка.

— Я поеду с Лизой, или с Дашенькой.

— Мне бы этого не хотелось, — сказала старушка серьезно.

— Так чего же вам хочется? Чтобы я скучала у вас, чтобы и для меня, как для других, замужество было спасением, волей, возможностью выйти из опеки? Вам бы этого хотелось?

Старушка сказала: грех тебе! и кротко посмотрела на внучку. Вера была уже у ног ее, на скамейке; она положила голову на колени бабушки, длинные ее локоны рассыпались по розовым щечкам, свисли на плечи, а правильный профиль ее ярко обрисовался на темном фоне бабушкиного платья. Старуха

гладила бледною, маленькою и худенькою рукой своей ее мягкие каштановые волосы. Молчание длилось несколько минут; Вера целовала руку старухи, а я сидел сзади, не смея дохнуть, и любовался этой группой: мягкой, капризной, как и она сама, красотой Веры и миниатюрной Фигуркой старушки, полной доброты, благосклонности и терпимости.

— Да и когда ж ехать опять в маскарад? Завтра бал у Новинских, — наконец произнесла она.

— Что ж такое! — возразила Вера с жаром. — Я останусь на бале до первого часа ночи, а потом поеду с Лизой в маскарад. Уж это устроено.

— Хорошо! — сказала старушка смеясь. — Очень хорошо! Точно так делают, если я не ошибаюсь, гвардейские офицеры ветрогоны, шалуны!

Вера рассмеялась, но рассмеялась так по-детски звонко, так заразительно, что рассмеялся и я за ней. Старушка улыбалась, глядя на нее. В эту самую минуту приехал кто-то, и спор остался нерешенным.

На другой день на бале, Вера была необычайно мила и любезна со всеми, но в первом часу она уехала. Я проводил ее до крыльца.

— Едете? — шепнул я ей.

Она улыбнулась и приложила палец к губам в знак молчания. Я отправился в маскарад. Через полчаса я узнал Веру в толпе масок. Она кого-то искала и бродила из залы в залу. Я подошел к ней; она пошутила, посмеялась, скользнула в сторону и взяла за руку уже пожилого, мне незнакомого мужчину. Я следил за ней с любопытством и скоро увидел ее опять одну, опять искавшую кого-то по многочисленным залам. Она уехала домой довольно поздно; я проводил ее до крыльца, но не слышал от нее ни обычной шутки, ни обычного приветия, что еще больше уверило меня в том, что Вера приезжала в маскарад для кого-то, кого однако не встретила.

На другой день я явился к Томским ранее обыкновенного; Вера была задумчива и на все мои вопросы отвечала одно:

— Я устала; такая шумная толпа утомит хоть кого.

Я начинал сильно беспокоиться, беспокоиться, по-видимому, без причины. Предчувствие, особенно свойственное влюбленным, говорило мне, что есть кто-то, кто грозить мне соперничеством. Степанида Семеновна была в этот вечер особенно любезна и говорлива, и не обращала ни малейшего внимания на задумчивость и грусть внучки; она была особенно благосклонна ко мне, и два раза я почувствовала на себе ее долгий наблюдательный взгляд. Было ясно, что старуха давно знала, сколько я люблю Веру. Когда я уезжал, она просила меня бывать у них чаще и совершенно запросто, когда мне вздумается; я воспользовался приглашением и стал еще короче в доме, но это было мне не в радость. Вера очевидно изменилась, и хотя была дружески ласкова со мной, но что-то необъяснимое в ее приемах говорило мне, что если я когда-нибудь и нравился ей, то теперь она занята кем-то другим. Она была постоянно задумчива и рассеянна. Настал великий пост и тянулся скучно, тягостно, беспокойно, и для меня, тревожимого предчувствием, и для нее, тоскующей и серьезной. Она меньше оставалась дома и беспрестанно бывала у одной из своих приятельниц. Одна старуха бабушка была все та же: добра, приветлива, благосклонна ко всем, и по-прежнему, если не больше, баловала свою Веру. Она ожидала только праздников, чтобы позабавить внучку, и действительно лишь только они наступили, она дала большой танцевальный вечер. Этого вечера я никогда не забуду; общество было небольшое, избранное; женщины и мужчины, его составлявшие, были все почти коротко знакомы между собою. Между ними был один только молодой человек, никому не известный. Когда я вошел в залу, Вера, блистающая красотой и сияющая радостью дитяти, танцевала с ним вальс. Я стал у двери.

— Кто танцует с Верой Павловной? спросил я у молодого князя Сокольского, одного из моих соперников.

— Не знаю, право; никогда не видывал этого господина.

Я подошел к Вере.

— *Un tour de valse*, — сказал я, — и, обхватив ее талию, помчался с ней по зале.

— С кем вы танцевали? — спросил я ее, вальсируя.

— С Кочетовым.

— Кто он?

— Ах, Боже мой! Кочетов!

— Я никогда не видал его прежде, ни здесь, ни у других.

— Он вероятно скажет то же самое, если у него спросят о вас.

— И не будет прав; я всех знаю, всех, кто принадлежит к обществу.

— Вероятно он не заботится о тех, кого вы называете обществом, и потому не бывает там, — возразила Вера с досадой.

Я хотел сделать еще круг вальса, но Вера сказала: довольно, таким тоном который показался мне надменным. Через несколько минут я видел, как она, в качестве хозяйки, представляла Кочетова девицам и молодым танцующим дамам. К концу вечера Кочетов танцевал со многими, но больше всех с Верой. Он был высок ростом, строен; длинные его волосы несколько небрежно лежали по щекам; он часто закидывал их назад, но с таким жестом, который не раз возбуждать мою антипатию и, как говорится, повертывал все мое сердце. Знаете ли вы этот жест? — в нем столько самоуверенности, самообожания. Вообще приемы Кочетова не обличали ни хорошего воспитания, ни светскости. Он был слишком смел и резок. Он никому не нравился, хотя был очень хорош собой; молодец в полном смысле слова, и Фат, совершеннейший Фат. Каково же было мое удивление, когда умная, светская, Степанида Семеновна, пригласила Кочетова бывать у нее по вечерам, честь, которой так бесплодно добивались в продолжение нескольких зим многие московские денди средней руки. Я был поражен, уничтожен, и потому на другой же день отправился к Ивану Ивановичу, который был особенно бла-

госклонен ко мне; я надеялся выведать от него что-нибудь более положительное и завел речь о Кочетове.

— Кто он такой? — спросил я его.

— Миллионер, — отвечал Иван Иванович спокойно и просто.

Настало молчание. Слово миллионер поразило меня в самое сердце. У меня кроме имени и службы ничего не было.

— Но откуда он явился? кто познакомил его с Томскими?

— Он недавно возвратился из деревни; Вера Павловна встретила его у своей приятельницы Данилович, и, кажется, он очень ей понравился.

— Разумеется; достаточно было ее видеть вчера вместе с ним, чтобы вполне убедиться в истине ваших слов, сказал я с досадой.

— А что? Или уже говорят в свете?

Иван Иванович покачал головой.

— Не знаю, что говорят другие, но я говорю, что бабушка до того избаловала ее, что страшно смотреть. Скажите, какая она будет жена и мать?

— Отличная, сказал Иван Иванович протяжно.

— Едва ли.

— Будто! — и он усмехнулся.

— Чему же вы смеетесь?

— Над вами, влюбленными!

— Во-первых, я не влюблен; во-вторых, такие невесты нам не пара.

— А почему? — спросил живо старик, взглянув на меня исподлобья.

— Вера Павловна богата, а у таких, как я, ничего нет.

— Кроме доброго имени, доброго сердца, честности. Она богата, следственно может выбирать.

— И выберет Кочетова.

— Может быть; особенно, если вместо того, чтобы бороться, вы будете сидеть у меня и ревновать ее без всякого основания.

